

Ю.Г. Лемешко, М.М. Белоглазова

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ МАРКИРОВАННОСТЬ КИТАЙСКИХ НЕДОГОВОРК-ИНОСКАЗАНИЙ. ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

The article is about topical problems of modern Chinese language. The authors describe two-part Chinese's allegorical sayings from two essential sides: Language and Culture.

Недоговорки-иносказания, как вид богатого фразеологического фонда китайского языка во всем многообразии его форм и способов выражения, представляют особый исследовательский интерес. Научных работ, посвященных изучению, описанию и систематизации этих фразеологических единиц, немного. Одним из первых в отечественном китаеведении к этой теме обратился Ю.Л. Кроль, который в свое время писал: «...вопрос о том, что такое сехоуэй, пока остается неясным; спорен и вопрос об их классификации» [2, с. 195]. С опубликованием в 1977 г. монографического исследования М.Г. Прядохина «Китайские недоговорки-иносказания» [5] началось фундаментальное изучение и составление словаря недоговорок, выход которого пришелся на 2001 г. [6]. В книге М.Г. Прядохина рассматриваются вопросы специфики функционирования недоговорок-иносказаний, их структура и содержание, художественно-образительные средства и пределы варьирования. Значимость этой монографии заключается в том, что в отечественной синологии она до сих пор остается единственным комплексным исследованием китайских недоговорок и отражает наиболее устойчивые концепции и идеи относительно рассматриваемых в данной статье фразеологических единиц.

Были востребованы нами и научные труды китайских ученых. При написании данной статьи мы опирались на основные положения книги «Недоговорки-иносказания и китайская культура» [2], где автор, рассматривая вопросы национальной специфики недоговорок, описывает этот вид фразеологизмов с учетом требований сформировавшихся направлений в современном китайском языковедении. В данной работе мы активно использовали словари недоговорок-иносказаний [8], [9], [10] и сборник-справочник недоговорок [6]. Подобные материалы в настоящее время выходят в КНР большими тиражами, что доказывает интерес в Китае к данной теме запросами как теории, так и практики. Актуальность проводимого нами исследования определяется прежде всего необходимостью создать теоретические основания для новой трактовки вопросов, связанных с анализом национально-культурных особенностей недоговорок-иносказаний, с учетом привлечения материалов китайских языковедов.

歇后语 *сехоуэй* представляют собой особую разновидность фразеологизмов китайского языка, которую мы вслед за М.Г. Прядохиним называем недоговорками-иносказаниями (далее НИ). Для структурно-содержательной организации НИ характерен двучленный состав, они образованы двумя составляющими, первая из которых является описательной частью и представлена предложением, вторая – аллегорической частью, являющейся словосочетанием или (значительно реже) небольшим предложением.

Рассматривая содержательную сторону НИ, следует отметить, что первая часть – это образное выражение (своего рода загадка, ребус), предпосылающее какую-либо ситуацию, вероятность понимания/отгадки которой минимальна или же вообще не может быть правильно определена. Вторая часть, подобно разгадке, раскрывает смысл первой части, давая к ней пояснения. Если первая и вторая части тесно взаимосвязаны между собой, и к тому же сама НИ получила достаточно широкое распространение,

то вторую часть можно опустить, урезать. Теперь понятие появления термина «речение с усекаемой концовкой», раскрывающего значение дефиниции *сехоуэй*.

Приведем несколько примеров самых распространенных НИ, перевод которых на русский язык не вызывает особых трудностей, поскольку содержащиеся в них универсалии легко читаются представителями разных культур:

狐狸哭兔子 – 假慈善 – Лиса зайца оплакивает – ложная добродетель.

老太太咬呀 – 忘了忘了 – Бабушка пытается укусить – забыла, что нет [зубов].

隔鞋搔痒 – 摸不着痛处 – Через ботинок чесать зудящее место – нет возможности добраться до него.

Применительно к определенному контексту значение этих НИ достаточно понятно и не требует комментариев. Согласно теории переводоведения, полного соответствия между подлинником и переводом удается достичь крайне редко. Рассматривая перевод как сложный процесс «межъязыковой и межкультурной коммуникации, при котором на основе целенаправленного переводческого анализа исходного текста создается вторичный, переводящий текст, заменяющий исходный в новой языковой и культурной среде» [1, с. 9], мы выделяем некоторые НИ, перевод которых на русский язык представляется практически невозможным без дополнительного комментария. Это прежде всего НИ современного китайского языка, в составе которых мы находим имена литературных персонажей, исторических деятелей, литературные аллюзии и т.д.

Из теории известно, что при письменном переводе художественных текстов возможны лингвострановедческий комментарий, который требует высокой эрудированности и энциклопедических знаний, и контекстуально ориентированный комментарий, детализирующий образ раскрываемой номинации и демонстрирующий прямую/скрытую связь между нею и идейно-художественным замыслом автора. Трудности, которые могут возникнуть при устном переводе, труднопреодолимы, так как для адекватного перевода НИ необходим комментарий, предполагающий обстоятельный кросс-культурный анализ, что невозможно при устном переводе.

Представим несколько китайских НИ, которые следует переводить с учетом отразившихся в них культурных, исторических, религиозных, социальных и других аспектов существования китайского этноса. С такими НИ связана разветвленная система ассоциаций и коннотаций, которые у недоговорок с общекультурным содержанием практически отсутствуют.

НИ 孟母三迁 – 望子成龙 на русский язык дословно можно перевести как «Мать Мэн-цзы трижды меняла место жительства – надеяться, что сын станет драконом». Всем известно имя Мэн-цзы (孟子) (372 – 289 до н.э.) – великого китайского философа, представителя конфуцианской традиции. Лю Сян 刘向 (1 в. до н.э.) в *Ленюй чжуань* 列女传 («Жизнеописания великих женщин»), в цзюане *Му и чжуань* 母仪传 («Жизнеописание образцовых матерей») представил историю матери Мэн-цзы, из которого мы узнаем, что она была вдовой, занимавшейся воспитанием любимого сына. Для его благополучия и для создания благоприятного окружения мать неоднократно меняла место жительства, чтобы Мэн-цзы рос и воспитывался в благой среде. Сначала они жили возле кладбища, потом переехали в другое место, поселившись недалеко от рынка. Постепенно ребенок начал перенимать манеры рыночных торговцев и подражать им. Заметив это, мать собрала вещи, и они отправились искать новое пристанище. На этот раз они поселились рядом со школой. Здесь Мэн-цзы научился хорошим манерам, у него

появилась тяга к учению, впоследствии он стал великим философом.

Не менее интересна НИ 大水冲了龙王庙 – 一家人不认识, которую мы переводим как «Наводнением размыло храм Лун-вана – свой своего не узнает». В китайских народных сказках и преданиях Лун-вана считают хозяином водяной стихии, «в поздних народных верованиях Лун-ван нередко рассматривался как владыка стихий, которому подчинены бог грома Лэй-гун, богиня молнии Дянь-му, бог ветра Фэн-бо и хозяин дождя Юй-ши» [4, с. 80]. Как мы видим, для интерпретации этой НИ необходимо знание китайской мифологии, которая позволит нам правильно толковать значение второй части этой НИ 一家人不认识 – «свой своего не узнает» (Боги, вызвавшие наводнение, нанесли урон своему же патрону).

Для перевода НИ 属孔明的 – 见识不少, имеющей значение «Такого же рода, как и Кун-мин – большого ума человек, высокоэрудированный», следует обратиться к истории Китая, которая хранит воспоминания о мудром Чжугэ Ляне. Чжугэ Лян (181-234 гг. до н.э.) – военачальник, крупный государственный деятель, его имя стало в Китае символом ума, мудрости и большого опыта. Кун-мин – второе имя Чжугэ Ляна.

Рассмотренные нами НИ опираются на стереотипы массового сознания, в них отражаются народные представления о разных сторонах жизни китайцев, утвержда-

ется система нравственных и иных ценностей, сложившихся в традиционном китайском обществе, что обуславливает значительные трудности первого этапа знакомства с НИ.

1. Бреус Е.В. Основы теории и практики перевода с русского языка на английский. – М.: УРАО, 2001.
2. Ван Сяона. Сехоуэй хэ вэньхуа. Бэйцзин: Шану иньшугуань, 2001. (Ван Сяона. Недоговорки-иносказания и китайская культура. – Пекин. Изд-во «Шан'у иньшугуань», 2001).
3. Кроль Ю.Л. Опыт классификации и описания структуры пекинских поговорок сехоуэй. Жанры и стили литератур Китая и Кореи. Сб. статей. – М.: Наука; ГРВЛ, 1969. – С.194-203.
4. Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2-х т. / гл. ред. С.А. Токарев. – М.: НИ «Большая российская энциклопедия», 1994. – Т. 2, К-Я.
5. Прядохин М.Г. Китайские недоговорки-иносказания. – М.: Наука; ГРВЛ, 1977.
6. Прядохин М.Г., Прядохина Л.И. Краткий словарь недоговорки-иносказаний современного китайского языка. – М.: Муравей, 2001.
7. Суюй яньюй сехоуэй сюаньцуй. Сун Хунфэй, Чжоу Дуань-линь. – Бэйцзин: Тунсинь чубаньшэ, 1997 (Сборник пословиц, поговорок, недоговорки-иносказаний. – Пекин: Изд-во «Тунсинь чубаньшэ», 1997).
8. Фэньлэй сехоуэй цыдянь. Чжан Гуанмин. – Шанхай: Шанхайцзышу чубаньшэ, 2005 (Словарь китайских недоговорки-иносказаний. – Шанхай: Изд-во «Шанхайцзышу чубаньшэ», 2005).
9. Чжунго миньцзянь сехоуэй цзицуй. – Бэйцзин: Сюеюань чубаньшэ, 1997 (Сборник народных недоговорки-иносказаний. – Пекин: Изд-во «Сюеюань чубаньшэ», 1997).
10. Чжунхуа чуаньтун цыдянь. Лю Сяоминь. – Бэйцзин: Хайчао чубаньшэ, 2005 (Словарь китайских народных речений. – Пекин: Изд-во «Хайчао чубаньшэ», 2005)

Н.В. Мазко

ФОРМИРОВАНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ АРГОТИЗМОВ В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

The article deals with origin and functioning of argotics in modern French language.

Культуры обладают языками, посредством которых они выражают свою сущность. Однако будучи живым развивающимся образованием, изменяясь, культура модифицирует и собственные языки. В результате языки конкретных культурно-исторических эпох оказываются настолько различными и непонятными для потомков, что больше походят на иностранные, нежели на языки собственной культуры. Нам порой непонятны литературные произведения, написанные в XIX или первой половине XX в. настолько непонятны, что при их чтении без толкового словаря не обойтись: одни слова с течением времени стали мало, либо вообще неупотребляемыми, а другие «обросли» новыми смыслами, которые мы знаем, а о предшествующих им значениях даже не догадываемся.

Любой язык выступает в той или иной форме своего существования как конкретно историческая социальная норма. Понятия языковой нормы было свойственно языкознанию на всех этапах его развития. Особенно актуальной стала проблема нормы в лингвистике XX в. Языковая норма в современных теориях выводится как совокупность наиболее устойчивых, традиционных элементов системы языка, исторически отображенных и закреплённых общественной языковой практикой [2].

Самую широкую языковую норму составляет национальный язык во всем многообразии не только форм своего существования, но и своих потенциальных возможностей, т.е. язык как система. Нарушение этой нормы означает употребление несуществующих и невозможных в данном языке образований. Норму языка в более узком смысле слова составляет совокупность всех более или менее обычных реализаций тех возможностей, которые представляет система. Эти нормы обязательны, но отступ-

ление от них иногда не так очевидно, как нарушение нормы первого типа. Нарушения ее чаще всего связаны с лексической сочетаемостью. Норму в еще более узком смысле слова составляет то, что французы обычно называют «le bon usage», т.е. литературная норма. От предыдущей она отличается большей стабильностью, ограничением допускаемых вариантов, осознанностью, обработанностью, оценочным подходом с точки зрения образцовости/необразцовости [3]. В отличие от первых двух эта норма нарушается преимущественно носителями данного языка. В качестве примеров можно привести все те выражения, которые могут быть охарактеризованы как просторечные, диалектные, а также жаргоны и арготизмы.

Рассмотрим более подробно последние, так как арготизмы в последние десятилетия привлекают пристальное внимание многих исследователей. В первую очередь следует назвать работы Д. Франсуа-Жежер, Ж.-П. Гудайе, М. Сурдо, Е. Лиожье и пр.

Статус арготизма в сознании французского общества заметно изменился к концу XX в. Целый ряд лингвистических фактов свидетельствует, что арготизм укоренился в лингвистическом сознании французов, перестало быть «чужим», стало естественным, законным элементом живой, французской речи:

1. Отмечено смешение помет «arg», «pop» и «fam» в различных авторитетных общих словарях французского языка, поскольку границы между этими тремя языковыми стратами становятся все более зыбкими.
2. Постепенное продвижение арготизма в новые социолингвистические пространства проявляется не только в лексикографической практике, но и в формировании терминологии.
3. Возрождаются такие старые арготизмы как «javanais» и «verlan».
4. Экспансия арготизма распространяется и на книжную речь.
5. Самые частотные арготизмы в виде отдельных вкраплений появляются даже в текстах, адресованных детям.
6. Реклама также активно использует арготические лексемы.
7. Арготизируется и преподавание французского языка как иностранного [1].